

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ

А. П. Заостровцев¹

канд. экон. наук, доцент кафедры экономической теории и мировой экономики Санкт-Петербургского государственного университета экономики и финансов

«ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИКА» КАК ВЫЗОВ ТЕОРИИ ОБЩЕСТВЕННОГО ВЫБОРА

Этот сравнительно новый термин — «политическая экономика» — стал широко использоваться вместо традиционного «политическая экономия» и закрепился благодаря фундаментальной обзорной работе Т. Перссона и Г. Табеллини (Persson, Tabellini, 2000). Представляется, что это не случайная и вовсе не малозначимая замена термина. Она неразрывно связана с вытеснением экономическим мейнстримом (неоклассикой) не укладывающихся в ее догматы ряда принципиальных подходов теории общественного выбора (ТОВ), ассоциирующегося с виргинской школой политической экономии.

Политическая экономика как вызов ТОВ появилась практически одновременно с вызовом со стороны чикагской школы². Однако в качестве такого она стала восприниматься научной средой значительно позднее. Лишь в 2006 г. в статье немецких экономистов Ч. Бланкарта и Г. Кёстера «Политическая экономика против общественного выбора» впервые была столь акцентировано показана явная нетождественность того, что в последнее время стало принято именовать политической экономикой и классической ТОВ, представленной виргинской школой (Blankart, Koester, 2006). При этом речь вовсе не идет о том, что называть политической экономией, а что — экономической теорией или наукой³.

Надо полагать, что ни создатели политической экономии, ни представители виргинской школы не стали бы возражать против того, чтобы определение предмета их занятий совпадало с одним из позднейших определений политической экономии⁴, которое, как можно заметить, очень близко к данному Д. Мюллером и ставшему едва ли не классическим определению ТОВ⁵.

¹ Эл. адрес: zaoand21@gmail.com

² О принципиальных различиях чикагской и виргинской политической экономии (Заостровцев, 2009, с. 49–55).

³ «Оба термина “политическая экономия” и “экономическая наука” дожили до кануна XXI в. За прошедшее время смысл, вкладываемый в них, существенно изменился. Тем не менее они и сейчас могут по существу рассматриваться как синонимы» (Груневенген, 2004, с. 685).

⁴ «На наш взгляд, — пишут Уэйнгаст и Уитман, — политическая экономия — это методология экономической теории, применяемая к анализу политического поведения и институтов» (Weingast, Wittman, 2006, p. 3).

⁵ «Теорию общественного выбора можно определить как экономическое исследование принятия нерыночных решений или просто как применение экономической теории в политической науке» (Мюллер, 2007, с. 6).

В него добавлен анализ институтов, но это ничего принципиально не меняет, поскольку ТОВ (впрочем, как и политическая экономика) уделяет им много внимания. Спор здесь никак не завязан на определениях предмета исследований.

Проблема в том, что ТОВ, возникшая в качестве одного из направлений так называемого экономического империализма и, более того, представлявшая в этом качестве особую школу экономической мысли, невольно стала растворяться в экономическом мейнстриме, когда экономический анализ политического поведения и институтов превратился в обыденность и перестал казаться чем-то выбивающимся из основной проблематики экономических исследований. Однако «нашествие» на политическую проблематику экономистов, никогда не относивших себя к виргинской школе политической экономии, не могло не выразиться в очень серьезном смещении акцентов и подходов. «Заслуга» в его появлении принадлежит создателям политической экономики¹.

Политическая экономика: новая ступень или скромный вклад в экономический анализ политики?

Ч. Бланкарт и Г. Кёстер обращают внимание на тот факт, что представляющие политическую экономику исследователи, в отличие от тех, кто отвергает рациональный выбор в политике, и тех, кто не видит провалов демократии, не заявляют открыто о своем вызове ТОВ. Напротив, они обычно объявляют себя преемниками и продолжателями ТОВ. Однако «общественный выбор видится только как строительный блок для формирования политической экономики» (Blankart, Koester, 2006, p. 174).

Для сравнения ТОВ и политической экономики Ч. Бланкарт и Г. Кёстер выбирают три области. Во-первых, концепцию политических деловых циклов, в которую политическая экономика внесла наибольший вклад и с которой связано ее появление. Во-вторых, проблему интеграции и распада государств. В-третьих, конституционную политическую экономию. В последних двух областях политическая экономика в настоящее время демонстрирует наибольшую активность и наибольшие претензии на новизну по отношению к ТОВ.

Политические деловые циклы. Одним из наиболее ранних результатов, вытекающим из допущения ТОВ политических провалов, была теория политических деловых циклов. Ч. Бланкарт и Г. Кёстер выделяют два направления в ней (Blankart, Koester, 2006, p. 177). Первое связано с объяснением У. Нордхауса (Nordhouse, 1975), другое — с подходом Д. Хиббса (Hibbs, 1977).

Согласно У. Нордхаусу, политические партии ведут себя чисто «оппортунистически», что означает их заинтересованность исключительно в получении большинства голосов. Исходя из того что на избирателей главным образом влияет текущее состояние экономики, политики любыми средствами стараются создать желаемые экономические условия накануне выборов, несмотря на то что это может дорого стоить после выборов. Более всего применяются мягкая денежная политика и дефицитное финансирование ради повышения занятости накануне выборов, несмотря на то что впоследствии необходим будет спад с тем, чтобы привести инфляцию к приемлемому уровню. Такие политические манипуляции экономикой генерируют экономические циклы,

¹ Бланкарт и Кестер относят к ним прежде всего Алесина, Перссона и Табеллини, выделяя ряд их работ (Alesina, 1987; Alesina, Rosentahl, 1995; Alesina, Spolaore, 2003; Persson, Tabellini, 1999; Persson, Tabellini, 2000; Persson, Tabellini, 2002).

которые без них отсутствовали бы или же были бы не столь ярко выражены. В результате демократическое правление часто не смягчает, а усиливает экономические флуктуации.

Д. Хиббс же исходит из того, что политические партии не ведут себя чисто оппортунистически, но пытаются манипулировать экономикой в интересах своей политической клиентелы. В центре его модели находится балансирование между инфляцией и безработицей (кривая Филлипса). Левые партии, которые представляют низший средний класс, предпочитают комбинацию «низкая безработица — высокая инфляция», так как их клиенты меньше страдают от инфляции, чем от безработицы. Обратное верно для правых партий, которые представляют верхний средний класс. В результате модель предсказывает наличие причинно-следственных связей между партийной принадлежностью правительства и такими макроэкономическими переменными, как инфляция и безработица (принимая при этом во внимание, что по крайней мере в коротком периоде кривая Филлипса работает)¹.

Однако «одним из основных объектов критики традиционной для общественного выбора теории политических деловых циклов всегда являлось ее неявное допущение того, что граждане могут быть обмануты государством в каждом избирательном цикле, снова и снова. Поэтому ранние модели политических деловых оказывались несовместимыми с рациональными ожиданиями» (Blankart, Koester, 2006, p. 177—178).

Как отмечают в связи с этим Ч. Бланкарт и Г. Кёстер, заслугой политической экономики явилось то, что она показала возможность политических деловых циклов при наличии у акторов рациональных ожиданий. А. Алесина и Г. Розенталь инкорпорировали рациональные ожидания в двухпартийную модель: политические деловые циклы оказываются результатом неопределенности в отношении исходов выборов и, следовательно, в отношении того, какая политика будет иметь место: экспансионистская или дефляционная (Alesina, Rosentahl, 1995).

Политические предпочтения здесь такие же, как у Д. Хиббса: левые партии предпочитают мягкую денежную политику, в то время как правые партии больше беспокоятся об инфляции и, как результат, следуют более рестриктивной монетарной политике. В процессе торга по поводу зарплаты (который происходит только в определенные даты) экономические агенты рассчитывают ожидаемое значение темпа инфляции с учетом электоральных шансов основных партий и их монетарной политики. После выборов темп инфляции выше ожидаемого в случае победы левых партий и ниже в случае победы правых. В первом случае наблюдается бум до тех пор, пока договоры о зарплате не скорректируются с учетом более высокой инфляции, во втором же вслед за выборами идет период спада.

Таким образом, у А. Алесина и Г. Розенталя политические деловые циклы связаны с необходимостью приспособления к новым темпам инфляции. По отношению к монетарной политике они предложили ряд институциональных изменений для предотвращения политических деловых циклов.

¹ Было также показано, что оба подхода необязательно являются взаимоисключающими, но могут так или иначе сочетаться. Партии имеют идеологии, к которым они в целом привержены. Только когда популярность коалиции большинства, измеряемая опросами общественного мнения, ниже некоего критического уровня, а выборы приближаются, правительство может пойти на компромисс со своей идеологией и запустить программу, необходимую для получения большинства голосов в целях переизбрания (Frey, Schneider, 1978).

Отдавая должное развитию теории политических деловых циклов на основе рациональных ожиданий и выработке соответствующих рекомендаций по противодействию этим циклам, Ч. Бланкарт и Г. Кёстер обращают внимание на то, что политическая экономика не делает тем самым устаревшим подход предшественников. Он остается действующей альтернативой и в некоторых случаях эмпирически лучше работающей моделью (Blankart, Koester, 2006, p. 179)¹.

Размеры стран². Здесь Ч. Бланкарт и Г. Кёстер обращаются к критическому анализу идей, представленных в целом ряде работ А. Алесина с его соавторами (Alesina, Spolaore, 1997; Alesina, Spolaore, 2003; Alesina, Wacziarg, 1998; Alesina, Spolaore, Wacziarg, 2000). А. Алесина и другие в своих трудах отвечают на поставленный ими же фундаментальный нормативный вопрос: что такое оптимальный размер стран? Ответ на него базируется на рассмотрении баланса между гетерогенностью предпочтений (которая, как предполагается, увеличивается с расстоянием индивида от центра государства и, следовательно, с его территорией) и экономией от масштаба в поставке общественных благ (которая, как предполагается, увеличивается вместе с территорией страны) в закрытой экономике. При этом утверждается, что «общественный плановик» мог бы рассчитать оптимальную территорию страны на основе указанного баланса, но в условиях институтов реального мира трудно воплотить оптимальное решение. Авторы приходят в конечном итоге к выводу, что страны окажутся слишком большими при диктаторском правлении государства-Левиафана (поскольку максимизация налоговых поступлений таким правительством вела бы к расширению налоговой базы сверх оптимальной) и слишком маленькими при демократии (поскольку далекие от центра регионы будут стремиться к отделению).

Кроме фактических несоответствий данной теории (например, в случае США и Евросоюза), Ч. Бланкарт и Г. Кёстер обращают внимание на то, что А. Алесина и другие, заимствовали идею баланса между экономией от масштаба в поставке общественных благ и удовлетворением локальных предпочтений у теории фискального федерализма, которая традиционно использовалась в ТОВ, но при этом не обратили внимания на возможности многоуровневого (федерального) государства, которое смягчает или даже разрешает противоречие между экономией от масштаба в поставке общественных благ и гетерогенностью локальных предпочтений.

А. Алесина и другие в позитивистской части своего анализа сосредотачивают внимание на внешнеторговых режимах, которые они пытаются выставить в качестве решающих переменных для объяснения интеграции и отделения. Их аргументация заключается в следующем. В условиях протекционизма страны стремятся к политическому объединению в целях расширения внутреннего рынка³, несмотря на то что они несут издержки, обусловленные централизованной унификацией общественных благ при возрастающей ге-

¹ В своем ответе Ч. Бланкарту и Г. Кёстеру А. Алесина, Т. Перссон и Г. Табеллини, напротив, утверждают, что недавние работы по политическим деловым циклам показали, что «только когда понятие политических деловых циклов соединяется с идеями школы рациональных ожиданий, оно находит свой эмпирический смысл» (Alesina, Persson, Tabellini, 2006, p. 204).

² На английском эта проблема формулируется как *size of nations*.

³ Интересно попутно обратить внимание на то, что Л. фон Мизес также связывал с режимом протекционизма стремление к расширению страны, но только за счет войны, захвата чужих территорий, т. е. насильственного превращения внешних рынков во внутренний (Мизес, 2006, с. 109).

терогенности предпочтений. В то же время при режиме свободы внешней торговли страны станут испытывать тенденции к делению, так как они могут извлечь преимущества от крупных рынков без необходимости ограничивать себя централизованной унифицированной поставкой общественных благ. Таким образом, более протекционистский режим ведет к меньшему количеству более крупных стран, тогда как более свободная торговля ведет к большему количеству более мелких стран.

Ч. Бланкарт и Г. Кёстер принципиально не согласны с позицией А. Алесина и др. Они приводят пять наиболее значимых в период между 1870 и 1994 г. процессов интеграции и дезинтеграции и показывают, что 4 из 5 не отвечают рассмотренной выше теории (Blankart, Koester, 2006, p. 183—184). Единственный случай, который более-менее подходит под эту теорию, касается распада СССР. Однако, как отмечают Ч. Бланкарт и Г. Кёстер, и он не совсем корректно отражает провозглашаемую в ней связь между сепаратизмом и свободной торговлей, так как далеко не все страны бывшего СССР стали членами ВТО.

Ч. Бланкарт и Г. Кёстер видят принципиальную ошибку А. Алесина и других в том, что внешнеторговый режим рассматривается ими как экзогенный фактор. Они указывают на то, что он, напротив, есть результат внутренней политики, основанной на интересах промышленников, политиков и политических институтов. Такой подход, в частности, присущ сторонникам ТОВ¹. Согласно Ч. Бланкарту и Г. Кёстеру, эндогенный анализ внешнеторговой политики приводит к выводам, прямо противоположным утверждениям А. Алесина и др. Если сторонники фритредерства доминируют во внутренней политике, то они заинтересованы в правовой стабильности в вопросах внешней торговли, которой более всего способствует интеграция стран. И, напротив, в случае доминирования в стране сторонников протекционизма более вероятен ее распад, так как протекционисты опасаются больших рынков со свободной конкуренцией (Blankart, Koester, 2006, p. 183—184).

Конституционная политическая экономия. Ч. Бланкарт и Г. Кёстер анализируют здесь книгу Т. Перссона и Г. Табеллини «Экономические эффекты конституций: О чем говорят данные» (Persson, Tabellini, 2003). В ней авторы сравнивают мажоритарную и пропорциональную электоральные системы, а также президентскую и парламентскую формы правления. Согласно полученным ими результатам, при парламентском режиме электоральная поддержка обеспечивается за счет программ поставки общественных благ и трансфертов с широким охватом населения. Поэтому уровень поставки общественных благ близок к абстрактному идеалу, заданному уравнением П. Самуэльсона, хотя и не достигает его на практике, поскольку преследуются интересы коалиции большинства, а не населения в целом. Однако близкий к оптимальному объем общественных благ обеспечивается на фоне предоставления рент группам специальных интересов и политикам, так как правительства здесь не слишком ограничены в деле обеспечения этих групп привилегиями, а также имеется недостаточно сдержек и противовесов, которые мешали бы извлечению рент политиками.

Напротив, в президентской системе нет правительственного парламентского большинства, и политики (подобно главам комитетов Конгресса в США)

¹ Ч. Бланкарт и Г. Кёстер в связи с этим ссылаются на известную работу С. Мэги, У. Брока и Л. Янга «Черная дыра тарифов и теория эндогенной политики» (Magee, Brock, Young, 1989). Краткий обзор эндогенной теории протекционизма см. в работах (Афонцев, 2010, с. 165—170; Заостровцев, Леусский, 2007).

опираются на интересы меньшинств, сталкивая их тем самым между собой. Поскольку политики проводят интересы меньшинств и парламентское большинство отсутствует, то у них значительно меньше стимулов обеспечивать широкие общественные блага, чем в парламентской системе, и поэтому наблюдается серьезная недопоставка этих благ. В то же время возможность наложения вето со стороны президента позволяет лучше противодействовать поиску и извлечению ренты.

Аналогичные эффекты наблюдаются авторами и применительно к мажоритарной и пропорциональной системам. В первой в наличии недопоставка общественных благ, так как политики нацелены на округа, в которых они не имеют устойчивого большинства, но, с другой стороны, ограничены возможности рентоориентированного поведения политиков по причине более острой конкуренции между ними. В пропорциональных системах (особенно при наличии крупных избирательных округов) наблюдается склонность к расходам, нацеленным на более широкий электорат, но конкуренция и подотчетность слабее, что способствует рентоориентированному поведению.

Таким образом, как заключают Т. Перссон и Г. Табеллини, выбор того или иного конституционного устройства есть компромисс: выбор между ограничением рент для политиков и групп специальных интересов, с одной стороны, и большей обеспеченностью общественными благами — с другой. Их выводы можно наглядно представить в схематической форме (табл.).

Таблица

Экономические эффекты конституций по Перссону–Табеллини

		Электоральная система	
		Мажоритарная	Пропорциональная
Формы правления	Парламентская	Большие ренты для политиков. Большие ренты для групп специальных интересов. Сильная недопоставка общественных благ.	Очень большие ренты для политиков. Очень большие ренты для групп специальных интересов. Недопоставка общественных благ.
	Президентская	Очень маленькие ренты для политиков. Очень маленькие ренты для групп специальных интересов. Очень сильная недопоставка общественных благ.	Маленькие ренты для политиков. Маленькие ренты для групп специальных интересов. Сильная недопоставка общественных благ.

Во-вторых, проблема торга между сокращением рент для политиков и обеспеченностью общественными благами, которая является центральной для Т. Перссона и Г. Табеллини, решается теоретиками ТОВ с помощью предложений о расширении прямой демократии — дополнения репрезентативной демократии референдумами и децентрализации правительств (Blankart, Koester, p. 189—192)¹.

¹ Что касается референдумов как способа повышения подотчетности правительств, то надо заметить, что прямая демократия имеет и весьма негативные последствия. Так, постановка вопроса о мотивах поведения избирателей в концепции Б. Каплана заставляет как минимум задуматься о ее эффективности (Carlan, 2007). В том, что выбор в пользу референдумов как способа принятия законодательных решений может вести к экономическим неурядицам и хаосу, свидетельствует и работа известного американского политолога Ф. Закария (Закария, 2004). В главе «Избыток демократии» он, в частности, показал, до чего увлечение референдумами довело один из самых богатых штатов США — Калифорнию. «По итогам большинства

В области экономического анализа конституционного устройства Ч. Бланкарт и Г. Кёстер признают ценность только отдельных эмпирических результатов, полученных Т. Перссоном и Г. Табеллини. С их точки зрения, они «очень интересны и обогащают существующую литературу новыми находками» (Blankart, Koester, 2006, p. 189). Однако политическая экономика не в состоянии заменить разработанную на основе ТОВ конституционную политическую экономию, ибо не отвечает на ее основной вопрос.

Итоги критического рассмотрения политической экономики Ч. Бланкартом и Г. Кёстером. Во-первых, они отмечают, что политическая экономика заслуживает признания за интеграцию рациональных ожиданий в модели политического делового цикла, хотя эмпирические подтверждения этих интегрированных моделей не более убедительны, чем моделей политического делового цикла в ТОВ.

Во-вторых, политическая экономика оказывается куда менее убедительной в вопросе о размере стран. Концепция строится на допущении органического подхода к государству (рассмотрении его как органического целого). Отсюда игнорируются опции, предлагаемые фискальным федерализмом. Предположение об экзогенности торговых режимов ведет к «непоследовательности предсказаний, уступающих даже простейшим гипотезам теории общественного выбора» (Blankart, Koester, 2006, p. 193).

В-третьих, в области КПЭ представители политической экономики ограничиваются лишь сравнением последствий существующих форм представительных демократий. Как уже отмечалось выше, с точки зрения Ч. Бланкарта и Г. Кёстера, они игнорируют основную ее проблему.

Таким образом, отвечая на поставленный в заголовке данного раздела вопрос, можно присоединиться к мнению немецких экономистов, говорящих лишь о сравнительно небольшом вкладе политической экономики в экономический анализ политики, наряду с куда большими ее отклонениями от характерных для ТОВ и конституционной политической экономики подходов и постановок проблем.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИКА И ТЕОРИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО ВЫБОРА: ПРИНЦИПИАЛЬНЫЕ РАСХОЖДЕНИЯ

Теория научного познания, следуя предложенному Т. Куном подходу (Kuhn, 1977), классифицировала бы ТОВ как научную парадигму в рамках экономической теории, поскольку она содержит все четыре ее составляющие. Во-первых, она разделяет базовую установку экономической теории, полагая, что все акторы рациональны и эгоистичны. Во-вторых, она строится на общей эвристической модели, что вытекает из последовательного применения допущения о рациональном и эгоистическом индивиде к сфере политики. В-третьих, ее предпочтительным методом является позитивный анализ по-

таких референдумов от чиновников требовали сокращения налогов и одновременно совершенствования общественных услуг» (Закария, 2004, с. 210). Это исследование Ф. Закария говорит в пользу того, что позднее Б. Каплан сформулировал как «миф о рациональном избирателе» (Carlan, 2007). В связи с этим необходимо подчеркнуть, что Ч. Бланкарт и Г. Кёстер в вопросе о прямой демократии выдают позицию отдельных исследователей за позицию ТОВ. В целом же для ТОВ вовсе не характерна идеализация прямой демократии (в особенности, когда таковая строится на простом большинстве), что демонстрирует постоянное стремление одного из ее создателей в лице Дж. Бьюкенена к ужесточению конституционных ограничений, включая в них ограничения фискальной (Buchanan, Wagner, 1977; Buchanan, 1990; Buchanan, 1997) и монетарной политики (Buchanan, 2010).

литических институтов. В-четвертых, общей целью исследователей школы общественного выбора является выработка нормативных предложений относительно улучшений политических и экономических институтов.

Однако парадигма — это не только абстрактная концепция. Кун подчеркивал важность приверженности ей научного сообщества. «Парадигма — это то, что разделяют члены научного сообщества, и, наоборот, научное сообщество состоит из людей, которые разделяют одну и ту же парадигму» (Kuhn, 1977, p. 176). Однако научные парадигмы редко не сталкиваются с вызовами. Подобно тому как ТОВ в свое время бросила вызов концепции государства как выразителя «общественного интереса» и исполнителя роли «общественного планиста», так и она сама подвергается атакам со стороны альтернативных направлений и подходов.

Если следовать приведенным характеристикам научной парадигмы по Куну, то на первый взгляд вроде бы трудно найти принципиальные различия между политической экономикой и ТОВ. На этом основании Ч. Бланкарт и Г. Кёстер не видят смены парадигмы в связи с появлением и распространением политической экономии (Blankart, Koester, 2006, p. 193—194). Тем не менее представляется, что политическая экономика знаменует собой значительное отклонение от методологических и концептуальных подходов ТОВ.

Первое, что характеризует это отклонение, заключается в том, что политическая экономика не столь категорична в отношении понимания государства: ищет «золотую середину» между традиционной неоклассической концепцией благонамеренного государства, максимизирующего некую функцию общественного благосостояния, с одной стороны, и позитивной ТОВ, где злонамеренный Левиафан строит политику исключительно ради максимизации собственных рент, — с другой. Обе крайние позиции представители политической экономии называют «карикатурными» и указывают на то, что их задача — «проложить мост между этими двумя традициями, комбинируя их главные воззрения...» (Persson, Roland, Tabellini, 1998, p. 686—687). Очевидно, что такая исходная позиция — «наведение мостов» между неоклассическим «благонамеренным» государством и максимизирующим государством из ТОВ не есть развитие теории в рамках последней. Здесь можно говорить, с одной стороны, о заимствовании современным экономическим мейнстримом ряда установок из ТОВ (он просто не мог игнорировать ее и оставаться неизменным), а, с другой — есть все основания рассматривать этот процесс и как растворение жестких принципов ТОВ в процессе модификации экономического мейнстрима.

Второе. Политическая экономика сильно ограничивает (если не сказать подменяет) предмет исследования, что было замечено Ч. Бланкартом и Г. Кёстером на примере конституционной политической экономии. Этот вопрос настолько значим, что стоит вновь к нему обратиться. Для большей убедительности можно проиллюстрировать принципиальное различие подходов графически. На рисунке в части (а) показан подход Перссона—Табеллини. На нем изображена граница достижимых полезностей BB , соединяющая благосостояние избирателей V_1 и V_2 на соответствующих осях. Единственный выбор, который могут предложить указанные авторы, — это выбор между известными альтернативными политическими устройствами на участке CC , который, как уже отмечалось, оказывается, в сущности, выбором между лучшей обеспеченностью общественными благами, с одной стороны, и ограничением рент для политиков — с другой.

С позиции же той конституционной политической экономии, которая создавалась и развивалась Дж. Бьюкененом, Г. Таллоком и Дж. Бреннаном в традициях ТОВ (Бьюкенен, Таллок, 1997; Бьюкенен, 1997; Бреннан, Бьюкенен, 2005), такой подход крайне статичен. Он остается в рамках существующих институтов и не предлагает никаких институциональных инноваций. Истоки такого консерватизма видятся в том, что Т. Перссон и Г. Табеллини опираются преимущественно на политологические источники, игнорирующие ТОВ. Традиционным же политологическим подходом является обращение к вопросу о том, каковы институты, позволяющие аккумулировать, распределить, употребить и контролировать власть здесь и сейчас, а не при какой-то гипотетической, еще не существующей системе. Политическая экономика восприняла этот подход и вслед за политологией стала анализировать, как принимают решения политики, когда сталкиваются с хорошо известными альтернативными институтами. Выбор ограничен вариантами в рамках статус-кво.

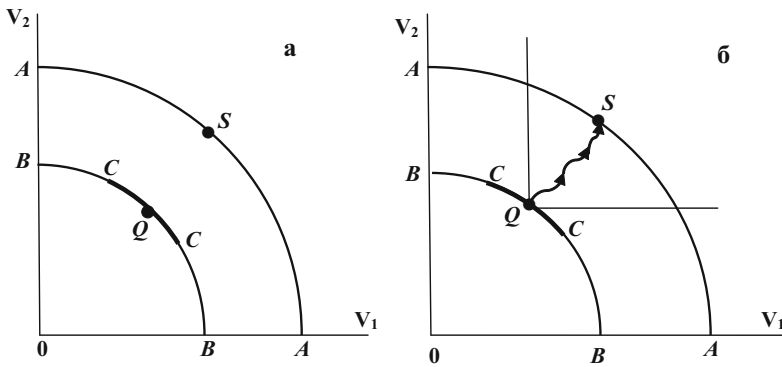


Рис. Политическая экономика (а) и теория общественного выбора (б)

Теоретики же, следующие идущей от Дж. Бьюкенена традиции, не рассматривают эти варианты как непреодолимое ограничение, а, скорее, воспринимают их как вызов (рис.). Если есть общественный оптимум за пределами линии BB и участка CC (например, в точке S на AA), то должны быть предложены и соответствующие институциональные преобразования, которые позволят приблизиться к нему или даже его достичь (рис., часть (б)). Представители ТОВ обычно ставят такой вопрос: что может быть сделано, чтобы шаг за шагом продвигаться из точки Q в точку S ? Каким образом можно изменить институты, чтобы приблизиться к S ? В результате поиск для сторонников ТОВ не ограничен решениями типа «второе лучшее», как для представителей политической экономики.

Третьим расхождением между политической экономикой и ТОВ можно назвать различие в «точках отсчета». Как мы только что видели, политическая экономика анализирует существующую структуру репрезентативной демократии, и в этих рамках политические решения легитимны, если они поддерживаются большинством голосов. Поскольку решения на основе большинства позволяют эксплуатировать меньшинство, то основной темой для политической экономики становятся перераспределительные конфликты. Как следствие, в качестве результатов она преимущественно предлагает разные компромиссы между различными вариантами разрешения данных конфликтов.

Что же касается ТОВ, то, как хорошо известно, ее анализ идет строго от индивидуального уровня. Индивиды образуют государство и выбирают для него институциональное устройство. Критерием общей легитимности государства и его решений соответственно становятся желание каждого гражданина войти в него и признавать эти решения. Поэтому в основе отношений государства и индивида, согласно ТОВ, лежит добровольный обмен. Отсюда — упор на единогласие: финальное решение должно принимать во внимание не предпочтения большинства, а все без исключения индивидуальные предпочтения. Отход от единогласия допустим лишь в случае, если издержки согласования запретительно высоки. ТОВ ищет процедуры коллективного выбора, которые снизили бы эти издержки. В этом ее принципиальное отличие от политической экономики, которая и не ставит такой вопрос, ведя отсчет от большинства, а не от индивида.

Четвертое расхождение можно описать в терминах «эффективность или свобода». Ключевым для политической экономики оказываются соображения эффективности политических решений: критерием ее служит оптимум в поставке общественных благ. Для ТОВ соображения такой эффективности не столь важны. Она оценивает политические решения и порождающие их институты с позиции индивидуальной свободы: в какой степени они обеспечивают свободу от принуждения и, как результат, ту самую добровольность обмена. Для ТОВ типична следующая постановка вопроса: как можно улучшить институты представительной демократии, чтобы расширить свободу индивида и ограничить эксплуатацию меньшинств большинством? В политической экономике утрачивается направленность экономического анализа на обеспечение свободы индивида — отсюда многие рекомендации в области политики делаются с позиции благонамеренного диктатора. ТОВ же строит свой подход на критериях индивидуальной свободы и индивидуального выбора и, как следствие, приходит к иным результатам и практическим рекомендациям.

И, наконец, пятое расхождение касается методологии анализа. Политическая экономика как порождение экономического мейнстрима выстраивается вокруг модели общего равновесия применительно к политической сфере. В связи с этим характерна статья одного из самых ярких представителей современной политической экономики — Д. Асемоглу — с подробным описанием необходимости построения политической экономики и экономики развития на основе данной модели (Acemoglu, 2010). В результате концентрации внимания на общем равновесии на первый план выходит техника математического анализа, математическое моделирование становится самоцелью. В отличие от политической экономики, ТОВ последовательно отвергает доминирование аналитических инструментов и моделирования над самой проблемой.

Успех политической экономики в вопросе исследования деловых циклов создал впечатление, что для замещения ею ТОВ достаточно распространения формальных теоретико-игровых моделей и равновесного анализа из макроэкономической теории. И нельзя не признать, что тенденция к вытеснению ТОВ таким путем не просто имеет место, но она идет и преобладает. Сами Алесина, Перссон и Табеллини считают, что «политическая экономика в основном продолжает традицию общественного выбора, принимая во внимание прогресс в точности теоретического моделирования и эмпирических заключений, достигнутый за последние 25 лет экономической теорией» (Alesina, Persson, Tabellini, 2006, p. 206). Однако, как было показано выше, на самом деле политическая экономика, представляющая современный экономический мейнстрим, стремится задавить ТОВ как самостоятельную школу экономической мысли и знаменует собой разрыв с его традициями индивидуализма и свободы.

ЛИТЕРАТУРА

- Афонцев С. А.* Политические рынки и экономическая политика. М., 2010.
- Бреннан Дж., Бьюкенен Дж.* Причина правил. Конституционная политическая экономия. СПб., 2005.
- Бьюкенен Дж.* Границы свободы. Между анархией и Левиафаном // Бьюкенен Дж. М. Сочинения. Серия «Нобелевские лауреаты по экономике». М., 1997. С. 207—444.
- Бьюкенен Дж., Таллок Г.* Расчет согласия // Бьюкенен Дж. М. Сочинения. М., 1997.
- Груневенген П.* «Политическая экономия» и «экономическая наука» // Экономическая теория / под ред. Дж. Итуэлла и др. М., 2004. С. 680—687.
- Закария Ф.* Будущее свободы: нелиберальная демократия в США и за их пределами. М., 2004.
- Заостровцев А. П.* Теория общественного выбора и конституционная политическая экономия. СПб., 2009.
- Заостровцев А. П., Леусский А. И.* Теория общественного выбора о протекционизме // Известия Санкт-Петербургского университета экономики и финансов. 2007. № 4. С. 21—30.
- Кун Т.* Структура научных революций. М., 1977.
- Мизес Л. фон.* Всемогущее правительство: Тотальное государство и тотальная война. Челябинск, 2006.
- Мюллер Д.* Теория общественного выбора III. М., 2007.
- Acemoglu D.* Theory, General Equilibrium and Political Economy in Development Economics // Journal of Economic Perspectives. 2010. Vol. 24. N 3. P. 17—32.
- Alesina A.* Macroeconomic Policy in a Two-Party System as a Repeated Game // Quarterly Journal of Economics. 1987. Vol. 102. N 3. P. 651—678.
- Alesina A., Persson T., Tabellini G.* Reply to Blankart and Koester's Political Economic versus Public Choice: Two Views of Political Economy in Competition // Kyklos. 2006. Vol. 59. N 2. P. 201—208.
- Alesina A., Rosenthal H.* Partisan Politics, Divided Government and the Economy. Cambridge, 1995.
- Alesina A., Spolaore E.* On the Number and the Size of Nations // Quarterly Journal of Economics. 1997. Vol. 112. N 4. P. 1027—1056.
- Alesina A., Spolaore E.* The Size of the Nations. Cambridge, MA, 2003.
- Alesina A., Wacziarg R.* Economic Integration and Political Disintegration // American Economic Review. 2000. Vol. 90. N 5. P. 1276—1296.
- Alesina A., Wacziarg R.* Openness, Country Size and Government // Journal of Public Economics. 1998. Vol. 69. N 3. P. 305—321.
- Blankart C. B., Koester G. B.* Political Economic versus Public Choice: Two Views of Political Economy in Competition // Kyklos. 2006. Vol. 59. N 2. P. 171—200.
- Buchanan J. M.* Constitutional Restrictions on the Power of Government // The Theory of Public Choice-II / Ed. by J. M. Buchanan, R. D. Tollison. Ann Arbor, 1990. P. 439—452.
- Buchanan J. M.* The Balanced Budget Amendment: Clarifying the Arguments // Public Choice. 1997. Vol. 90. N 1—4. P. 117—138.
- Buchanan J. M.* The Constitutionalization of Money // Cato Journal. 2010. Vol. 30. N 2. P. 251—258.
- Buchanan J. M., Wagner R. E.* Democracy in Deficit: The Political Legacy of Lord Keynes. New York, 1977.
- Caplan B. D.* The Myth of the Rational Voter: Why Democracies Choose Bad Policies? Princeton, 2007.
- Frey B. S., Schneider F.* An Empirical Study of a Politico-Economic Interaction in the U. S. // Review of Economics and Statistics. 1978. Vol. 60. N 2. P. 174—183.
- Hibbs D. A.* Political Parties and Macroeconomic Policy // American Political Science Review. 1977. Vol. 71. N 4. P. 1467—1487.
- Magee S., Brock W., Young L.* Black Hole Tariffs and Endogenous Policy Theory. Cambridge; N. Y., 1989.
- Nordhouse W. D.* The Political Business Cycles // Review of Economic Studies. 1975. Vol. 42. N 2. P. 169—190.

Persson T., Roland G., Tabellini G. Toward Micropolitical Foundations of Public Finance // *European Economic Review*. 1998. Vol. 42. N 3—5. P. 685—694.

Persson T., Tabellini G. Political Economics and Macroeconomic Policy // *Handbook of Macroeconomics* / Ed. by J. B. Taylor and M. Woodford. Vol. 1. Amsterdam, 1999. P. 1397—1482.

Persson T., Tabellini G. Political Economics and Public Finance // *Handbook of Public Economics* / Eds. A. J. Auerbach and M. Feldstain. Vol. 3. Amsterdam, 2002. P. 1549—1659.

Persson T., Tabellini G. *Political Economics: Explaining Economic Policy*. Cambridge, 2000.

Persson T., Tabellini G. *The Economic Effects of Constitutions: What Do the Data Say?* Cambridge, 2003.

Weingast B. R., Wittman D. A. The Reach of Political Economy // *The Oxford Handbook of Political Economy* / Ed. by B. R. Weingast and D. A. Wittman. Oxford, 2006. P. 3—25.